

ОДНА И ТА ЖЕ ИСТОРИЯ: О МАРКСИЗМЕ И/ИЛИ ФИЛОСОФИИ СООБЩЕСТВА СЕГОДНЯ

Пётр Сафронов¹

Abstract

Do we need to communicate in order to be together or we don't? The paper regards communication as an extremely problematic point of human life. It elaborates position according to which being-together is possible apart from communication. Therefore I'm trying to analyze non-linguistic forms of experience immediately manifesting them in a social collaboration. Cooperative work is supposed to be a challenge for philosophy as intellectual enterprise.

Keywords: Marxism, community, negativity, subjectivity, being.

Слово «марксизм» звучит сегодня тенденциозно. После распада СССР, в ситуации глубокого кризиса мирового левого движения, при повсеместном наступлении демократической реакции впору говорить о марксизме только в терминах «исторического поражения»². Спорить с таким утверждением значило бы обрекать себя на непростительную интеллектуальную слепоту. Но отошло ли к прошлому значение наследия Маркса? Совсем нет. Трудно предположить, что Маркс был марксистом. Воздействие трудов Маркса далеко превосходит узкие рамки отдельной школы или направления. По существу, до настоящего времени его работы продолжают оставаться основой для развития всего мирового левого движения. Однако имя и дела Маркса всё же имеют нечто общее с сегодняшними его последователями: они принадлежат одной и той же линии развития человечества. Развития, которое не заканчивается и не может закончиться вместе с торжеством неолиберального капитализма. Столь же историческим, сколь и временным.

Буржуазное общество так нарочито исторично именно потому, что желает вечности. За бесчисленными знаками «прогресса» Маркс призывает видеть тождественное – историю. Реальность истории предшествует выделению сферы индивидуального: каждому индивиду она всегда уже предпослана,

¹ Пётр Сафронов – кандидат философских наук, научный сотрудник философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, приглашённый преподаватель АНХ при Правительстве РФ (г. Москва, Россия).

² Бадью А. *Мета/Политика: Можно ли мыслить политику? Краткий трактат по метаполитике*. М., 2005. С. 39.

более или менее полно размечая траекторию событий, которые могут с ним случиться. В ней нет ничего для данного индивида. Индивид, помещённый в исторический контекст, лишён возможности занять позицию «незаинтересованного наблюдателя». В истории происходят события с данным индивидом, причём каждое такое событие принимает форму совпадения с уже готовым смыслом, объяснительной схемой, формацией. Условия возможности индивидуальности заранее вписаны в состав социальной ткани, определяя горизонт экзистенциальных возможностей индивида. Бытие личности в рамках повседневности носит политический характер, проявляя характер власти истории над человеком.³

Политика истории ведёт дело к тому, чтобы организовать отдельных людей в массы. Каждое историческое событие социально, оно выражает принуждённость индивида к обществу, к совместности пребывания с другими в едином смысловом поле, одновременно исполняющем функции универсального путеводителя, самостоятельно прокладывающего наилучший маршрут. Встречаясь в пространстве исторической «реальности» с другими, я никогда не могу встретиться с самим собой в настоящем времени. Соответственно, смысл каждого события в истории неизменен: быть посредником со-общения между людьми. События – это как бы инкапсулированные поводы для взаимодействия. Их информационное отражение представляет собой основное содержание деятельности медиа-посредников в коммуникации. История сохраняет/опосредует отдельного индивида для совместности даже и в том случае, когда индивид один. То есть исполняющаяся *во* мне и *на* мне история присутствует со мной всегда и везде, и именно благодаря этому я постоянно нахожусь в обществе и включён в контекст социальных событий.

Критика капиталистического разума осуществляется, соответственно, посредством критики его истории. Постепенно обнаруживается, что история очень далека от рационалистического мифа о самой себе. Маркс сделал явной связь истории и идеологии. Продолжая анализы Маркса, Клод Лефорт показал, как формировалась эта связь в ренессансном гуманизме.⁴ Уже тогда история буржуазного общества постепенно перестаёт узнавать самоё себя, последовательно воплощая мёртвые образцы римского республиканизма. Последующее развитие Европы оказывается всего лишь искусно организованным политическим спектаклем, отвлекающим внимание от спрятанного за сценой трупы демократии. Либеральная идеология претендует на то, чтобы сделать эту бесконечную игру действительно содержанием исторического процесса, расширив круг её участников. Она хочет сделать так, чтобы никто не остался без роли. Это притязание на универсальность оказывается, согласно Лефорту, характерным признаком идеологии. Идеология, если она стремится быть пригодной, охватывает всё и ничто. При

³ См. об этом: Лефорт К. *Формы истории*. СПб., 2007.

⁴ Лефорт, указ. соч., с. 230 и далее.

этом формируется специфическая логика сокрытия настоящего, то есть его представления как «естественно сложившегося» положения дел. История просто должна быть мифична. Более того, она и должна быть самым главным мифом. Конкретное содержание мифа при этом совсем не существенно. Важно лишь, насколько успешно ему удаётся скрывать настоящее. История оказывается симптомом этого сокрытия.

Только преодолевая самоё себя в революции, история обретает основания для своего подлинного начала. Свобода возникает из предельно ясного сознания тотальной несвободы, окружающей личность в условиях несправедливой организации труда. В этом заключается суть материалистической диалектики истории, предложенной Марксом.⁵ Удерживая сегодня представление о необходимости тотального, целостного подхода к изучению различных обществ, мы остаёмся в долгу перед ним. Идея тотальности, со всей отчётливостью выраженная уже в рукописях 1844 г., продолжает оставаться руководящим мотивом для современных мыслителей. Но тотальности конкретной, приспособленной к меняющимся условиям жизни. Нет и не может быть никакого положения или системы положений, которые воплощали бы в себе единственно истинный и неизменный марксизм. Слишком разнообразна палитра взглядов тех авторов, которые так или иначе соотносят себя с ним. Среди них Юлия Кристева и Фредрик Джеймисон, Иштван Месарош и Эрик Хобсбаум, Антонио Негри и Джудит Батлер, Терри Иглтон и Джорджо Агамбен, Иммануил Валлерстайн и Эрнесто Лакло (Laclau), Шанталь Муфф и Ален Бадью, Славой Жижек и Этьен Балибар, Жак Рансьер и Дэвид Харви – и это далеко не полный список. Являются ли все они марксистами? Безусловно, нет. Значимо ли для всех них обращение к мысли Маркса? Безусловно, да. Марксизм не является, да и не может быть единой теорией, он выступает скорее как способ радикального обновления любой теории и любой практики.⁶

Обновление самого марксизма является сегодня, как никогда, актуальной задачей. Во многом это связано с исчерпанием творческого потенциала многих идей, которые служили стимулом для развития левого движения ранее. В интеллектуальной среде чувство разочарования в интеллектуальной продуктивности марксизма усиливается начиная с 1970-х гг. Прежде всего это связано с нарастающим ощущением невозможности позитивной критики капитализма, нашедшей своё выражение уже в выдающейся работе Ф. Гваттари и Ж. Делёза *Капитализм и шизофрения*. Авторы фак-

⁵ См. также: Шелике В. Марксизм – целостная теория? // Шелике В. *Мой Маркс*. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.wtschaelike.ru/?page_id=10.

⁶ Примечательно, что на проходившей в июне 2009 г. в Москве конференции «Критическая теория в XXI веке» Ф. Джеймисон охарактеризовал стиль мышления Маркса как оппортунистический в смысле острой восприимчивости к открывающимся возможностям изменений (запись устного выступления).

тически стремятся объяснить читателю, что внешняя критика капитализма невозможна. Нет ничего, что было бы лучше или хуже капитализма. Капитализм становится/стал единственной реальностью, но реальностью безумной. То, что делают Делёз и Гваттари, можно назвать своеобразной феноменологией капитализма. Они показывают, как настойчиво и последовательно капитализм стремится к самим вещам, только к вещам и ни к чему, кроме вещей. Капитализм демонстрирует пример чудовищно убедительного торжества логики чистой вещественности, к которой приложимы характеристики, имеющие только количественное выражение.

Критиковать капитализм невозможно, поскольку он лишён доступного критике содержания. В капиталистическом обществе нет места бесконечным дискуссиям о призрачных идеалах, поскольку все без исключения постоянно заняты только одним делом – производством. Капитализм пронизан логикой движения чистых количеств. Тем самым выводится из игры и любая философская позиция, продолжающая наивно апеллировать к своему интеллектуальному суверенитету. Делёз и Гваттари решительно и бесповоротно выводят философию из списка претендентов на роль рефлексивной «приставки» к человечеству. Роль толкователя современной ситуации отводится у них особым образом модифицированному психоанализу. Этот психоанализ сориентирован на описание того типа человека, который представляет собой универсальный производитель. Прежде всего, этот производитель напрочь лишён психики как ненужного добавления к процессу работы. Капиталистический работник озабочен лишь постоянной оптимизацией и рационализацией своей производственной деятельности. Он прямо-таки растворён в ней. Однако поскольку скорость, плотность и объём информационных потоков неконтролируемо возрастают, производитель просто не успевает прогнозировать все происходящие изменения. Описанная ещё Вебером пуританская деловитость постепенно превращается в бестолковую мелочную суетливость. Производитель, как пишут Делёз и Гваттари, становится шизофреником. Он хочет успеть всё и не успевает ничего, оставаясь один на один с чистым желанием. Чистота желания в данном случае надёжно обеспечена тем, что оно исходит не от пресыщенного товарным изобилием потребителя. Желание с успехом заменяет производителю реальность товара; желание, наконец, само становится единственной реальностью.

Трудящийся становится машиной по производству реальных желаний и желанной реальности. Желание превращается в предельную и окончательную цель. Всё сводится к тому, чтобы желать как можно интенсивнее. Для шизофреника всё является только желанием, его желанием. Капиталистическая система (вос)производит желание и (вос)производится им. Капитализм структурно неотделим от шизофрении, замыкающейся в бесконечно длящейся цепочке несбыточных желаний. Предполагается ли всем этим какая-то новая этика, отличная от пресловутой протестантской

этики? Да, стоит только представить себе каждое желание не по отдельности, а в связи с другими желаниями. Даже в шизофренической капиталистической системе желания взаимно сопряжены, сцеплены, сбалансированы. В таких условиях основой этики становится нахождение баланса желаний. Регулирование, настройка баланса желаний являются, безусловно, проблемой, превосходящей возможности отдельного индивида. Шизофреник не существует сам по себе, он всегда существует вместе со своим желанием, и это желание заставляет его вводить в свою реальность других людей. Если нельзя управлять желанием, то само желание всё-таки может управлять, и человеку приходится держать перед ним ответ. Желание действительно именно потому, что требует ответственности перед собой.

Творчество Делёза и Гваттари являет собой убедительный пример того, как область применения марксистского концептуального аппарата постепенно смещается от проблем экономики и политики к проблемам антропологии и этики. Начало этому процессу было положено уже в деятельности представителей Франкфуртской школы (Т. Адорно, Г. Маркузе, М. Хоркхаймер и др.).⁷ Отдаление марксизма от реальной политической борьбы на протяжении XX столетия шло параллельно с углубляющимся расколом внутри левого движения. Достаточно легко обнаружить почти карикатурные примеры межфракционных стычек представителей «ортодоксального» научного марксизма со сталинистами, троцкистами, маоистами и т. д.⁸ Кризису марксизма в значительной степени способствовала закрытая догматическая позиция большинства представителей советской философской школы, скованных идеологическим контролем.⁹ Конец реального социализма в Советском Союзе стал «самым сенсационным явлением»¹⁰ последних десятилетий, подорвав веру в прогностические возможности и политическую актуальность уже ослабленного внутренними конфликтами марксизма.

Окончательная маргинализация сторонников марксистских взглядов в 1990-е гг. казалась многим, особенно в неоконсервативных кругах США и Западной Европы, свершившимся фактом. Однако текущий мировой экономический кризис заставил усомниться в правомерности этих оценок. Всё более отчётливо ощуща-

⁷ См.: Андерсон П. *Размышления о западном марксизме*. М., 1991.

⁸ Ныне эти споры переместились в пространство интернета. Так, например, авторы троцкистской ориентации группируются вокруг Мирового социалистического веб-сайта (<http://www.wsws.org>), поддерживаемого Международным комитетом IV Интернационала.

⁹ В рамках настоящей статьи мы, к сожалению, не имеем возможности обсудить творчество Г.С. Батищева, Э.В. Ильенкова, М.А. Лифшица и ряда других авторов, работы которых заметно превосходили общий уровень.

¹⁰ См.: Хобсбаум Э. *Эпоха крайностей: Короткий двадцатый век (1914–1991)*. М., 2004. С. 19.

ется необходимость «переизобретения» марксизма.¹¹ Другой вопрос, насколько состоятелен марксизм сегодня именно как экономическая или политическая теория. Важнейшим пунктом полемики является содержательное наполнение категории «пролетариат», игравшей ключевую роль во взглядах К. Маркса и Ф. Энгельса. Экономическая несостоятельность марксизма зачастую прямо связывается с исчезновением или радикальной трансформацией класса промышленных рабочих, произошедшей в странах Запада за последние сто лет. Более того, современные социологи вообще склонны настаивать на том, что современные развитые общества не являются классовыми.¹² Несмотря на ответную критику со стороны Д. Харви и других видных левых теоретиков, невозможно отрицать серьёзность этого возражения.

Одной из широко обсуждавшихся попыток «переизобретения» пролетариата стала работа А. Негри и М. Хардта *Империя*, опубликованная в 2000 г.¹³ Согласно Негри и Хардту, *пролетариат* теперь следует понимать как

«широкую категорию, охватывающую всех тех, чей труд прямо или косвенно эксплуатируется и подчиняется капиталистическим нормам производства и воспроизводства»¹⁴.

Констатируя фактическое исчезновение традиционного индустриального рабочего, они решительно утверждают необходимость отказаться от представления пролетариата как однородного целого. Вместе с тем, с их точки зрения, пролетариат продолжает сохраняться как класс в силу факта подчинения капиталу. Такое подчинение носит скрытый характер, будучи производным от глобального режима организации социальных коммуникаций, именуемого Негри и Хардтом *империей*. Соответственно, изменяется характер борьбы пролетариата, которая «сразу начинается как экономическая, политическая, культурная – и, следовательно ... становится биополитической борьбой, борьбой за форму жизни»¹⁵. Преодоление власти капитала возможно через переопределение смысла существования тех сообществ, которые возникают благодаря буржуазному порядку. Чтобы преодолеть власть империи, необходимо умело использовать все предоставляемые ею возможности. Хардт и Негри рисуют нам проект своего рода сверхимперии, который позволит выразить политическую волю масс. Увы, они не в состоянии

¹¹ Выражение С. Жижека из интервью *Файненил Таймс* в марте 2009 г., которое он использует применительно к перспективам коммунизма.

¹² См. напр.: Pakulski J., Waters M. *The Death of Class*. L., 1996.

¹³ За ней последовала ещё одна совместная книга этих авторов *Множество: война и демократия в эпоху империи (Multitude: War and Democracy in the Age of Empire)*, опубликованная в 2004 г.

¹⁴ Негри А., Хардт М. *Империя*. М., 2004. С. 62.

¹⁵ Негри, Хардт, указ. соч., с. 65.

объяснить, при помощи каких именно новых практик¹⁶ произойдёт окончательное преодоление глобального имперского порядка.

Идея империи остаётся скорее более или менее удачной рамкой для серии метафор, нежели инструментом реального действия. Однако для многих марксистских авторов дискурс империализма является ключевой составляющей теоретических дискуссий, которые получили новый импульс после выхода в свет книги Д. Харви *Новый империализм*.¹⁷ В своей работе Харви рассматривает сложившийся мировой порядок в терминах диалектического взаимодействия логики территории и логики капитала. Капитал порождает и производит такие формы территориально-региональных разделений, которые позволяют ему осуществлять управление наиболее эффективным образом. Ведущее место, согласно Харви, занимает процесс накопления через лишение собственности, проявляющийся в отчуждении или ограничении гражданских прав населения для обеспечения экспансии капитала. Осуществлявшаяся в рамках неолиберального курса сплошная приватизация государственных предприятий трактуется им как существенный признак взаимоперетекания политической и экономической власти в глобальном масштабе.

К сожалению, книга Харви не содержит в себе подробно разработанной программы преобразований. Если вернуться к Негри и Хардту, то следует заметить, что в их работе обозначены некоторые элементы такой программы. Они могут быть рассмотрены как любопытный пример «практической философии» современных левых в схематичном виде. Прежде всего, к ним относится настойчивое требование глобального гражданства, предполагающее универсальное признание гражданских прав, никак не ограниченное национально-государственными делениями.¹⁸ Далее, это требование социальной заработной платы в форме гарантированного дохода для всех членов общества без исключения, что предполагает резкое увеличение объёмов прямой и косвенной государственной помощи различным категориям граждан. Следует также упомянуть и требование деколонизации средств коммуникации, проявляющееся в решительном соединении человека и машины в свободном труде. Новые информационные технологии трактуются как мощное средство преодоления отчуждения. Агентом реализации всех этих требований должен стать новый тип социального рабочего, стремящегося к созданию абсолютной демократии в действии. Утончённая философичность и риторическая привлекательность описанных построений даёт хорошее представление о магистральном направ-

¹⁶ Интересно, что и сама идея практик(и) «перехватывается» у представителей левого движения авторами либерального толка; см., напр.: Волков В., Хархордин О. *Теория практик*. СПб., 2008.

¹⁷ См.: Harvey D. *The New Imperialism*. Oxford, 2003. Материалы обсуждения этой книги опубликованы на русском языке в журнале *Прогнозис* (2008. № 2(14)).

¹⁸ Негри, Хардт, указ. соч., с. 366 и далее.

лении развития современного марксизма, который часто мутирует в особую разновидность правозащитного движения либо в философско-художественную практику, утрачивая общедоступность и радикальность своих идей.

Подчёркнуто элитарный, кружковой характер объединений сторонников левой идеи нередко закрывает для них возможность участия в создании действительно эффективных разветвлённых групп, создавая атмосферу отчуждённости между интеллектуальной богемой и широкими слоями трудящихся.¹⁹ Вместе с тем невозможно отрицать, что концептуальное обновление марксизма в той или иной форме является необходимым следствием трансформаций современного капитализма. В этом контексте деятельность А. Негри вписывается в рамки того широкого леворадикального течения второй половины XX столетия, которое именуется автономистским, или автономным, марксизмом.²⁰ Для этого направления, истоки которого связаны со сформировавшимся в Италии в 1950–1960-е гг. движением «новых левых» (М. Тронти, Р. Панцери, С. Болонья), характерен акцент на возможностях самоорганизации рабочего класса вне и помимо традиционных форм профсоюзной или партийной активности. Кроме того, подчёркивается важность автономного сопротивления отдельных групп трудящихся (женщин, чернокожих, гомосексуалистов и т. д.) специфическим формам дискриминации. Таким образом, марксизм сближается с широким спектром феминистских движений и движений в защиту прав меньшинств. Основополагающее значение приобретает идея самоценности, то есть возможности создания альтернативного образа жизни по ту сторону капиталистического порядка. Различные протестные движения по всему миру, действуя вместе и порознь, создают предпосылки для глобальной реконфигурации капитализма, причём сопротивление распространяется (циркулирует) от одного очага к другому. Следует заметить, что практикуемая сторонниками автономизма поддержка выступлений иммигрантов, сексуальных меньшинств и других притесняемых групп отражает общую тенденцию к размыванию политической программы левого движения, замене её более или менее согласованным набором социальных требований.²¹ Это нередко встречает резко критическую реакцию внутри самого движения и используется его оппонентами

¹⁹ Хорошим примером здесь может служить деятельность московско-петербургской левой группы «Что делать?» (А. Магун, А. Пензин, Д. Рифф и др.), которая в своей декларации ограничивается призывами расширять «радостное пространство жизни»; см. сайт группы: <http://www.chtodelat.org>.

²⁰ Наше изложение опирается здесь на статью: Кинсман Г. Автономистский марксизм // *Ситуация*. № 17 [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://avtonom.org/index.php?nid=1948>.

²¹ Наиболее ярким выражением этого является взаимодействие левых с антиглобалистским движением в рамках Всемирных социальных форумов; см. сайт движения ВСФ: <http://www.forumsocialmundial.org.br>.

для доказательства идейной несостоятельности марксизма в наши дни.²²

Поиск новых путей развития марксизма идёт по многим направлениям. Важным свидетельством его творческого потенциала является то, что к нему подчас обращаются мыслители, весьма далекие от малейшей симпатии к левым взглядам. Так, например, один из крупных представителей немецкого радикального консерватизма Карл Шмитт (1888–1985)²³, создавая в 1960-е гг. свою влиятельную концепцию партизана и партизанской войны, прямо обращался к идеям Ленина и Мао Цзэдуна.²⁴ Фиксируя уход в прошлое прежней системы межгосударственных отношений, ассоциировавшейся с Вестфальским миром, Шмитт утверждает, что международное право постепенно превращается в масштабную идеологическую декорацию. По мнению Шмитта, именно Ленин и Мао почувствовали это наиболее остро. Пролетарий становится партизаном внутри самой капиталистической системы. Задачей его действий, пронизанных логикой абсолютной вражды, становится полное разрушение социальных структур, которое должно перерасти в мировую революцию. Мао совместил агрессивность коммунистического интернационализма и мощный потенциал национального сопротивления. Партизан тем самым настолько погружается в гущу народной жизни, что становится в принципе неотличим от неё. Партизанская война окончательно становится тотальной войной, обнажая глубинные пласты теллурического, почвенного, сознания масс. Варварские действия партизана-пролетария подрывают, согласно Шмитту, классическое европейское право, представляющее войну только как вооружённое столкновение между государствами. Тотальная война на ограниченной территории, безусловно, была бы невозможна без влиятельной поддержки со стороны заинтересованных третьих лиц, в своих корыстных интересах использующих кризис международного права. Именно третьи лица, неизвестные, но всегда наличествующие, обеспечивают партизанам ограниченное признание, создавая видимость легитимности их действий. С точки зрения Шмитта, это усугубляет фатальное для современного мира расхождение между правом и законом.

Вопрос об отношении к правовой системе вообще является для марксизма важной проблемой. Выдвигая требование социальной справедливости, левое движение неминуемо приходит к критике действующих правовых установлений, которые формализуют справедливость, облегчая использование закона для подавления протеста угнетённых групп. Однако возможно ли неправовое осуществление справедливости? Есть основания полагать, что таковым в

²² См. напр.: Готфрид П. *Странная смерть марксизма*. М., 2009.

²³ Влияние Шмитта на современное левое движение в свою очередь может быть предметом дискуссии. Так, например, итальянский левый Марио Тронти говорил даже о переходе от Карла (Маркса) к Карлу (Шмитту).

²⁴ См.: Шмитт К. *Теория партизана*. М., 2007.

представлении основоположников марксизма было установление диктатуры пролетариата. Беря власть в свои руки, пролетариат восстанавливает в полном объёме человеческую свободу, разрушая отчуждающее действие наёмного труда. Это возможно только при одновременном разрушении действующей правовой организации, которая в руках господствующего класса является инструментом эксплуатации. Радикальность марксизма обнаруживается прежде всего в приоритете, который он отдаёт этическим требованиям перед юридическими. Марксизм приобретает антимодернистские черты, отказываясь отождествлять справедливость с правом, подменять должное обязательным. Долг (в том числе партийный) является основной формой актуализации личной ответственности, лежащей в основании общественного активизма. Личную ответственность, очевидно, нельзя ни передать другому, ни разделить с другим. Не существует градаций долга, аналогичных тонким правовым различиям меры ответственности каждого участника некоторого правоотношения. Долг не нуждается в дополнительном удостоверении: нет и не может быть никаких правил, предварительно регламентирующих необходимость его исполнения. Это не означает, однако, что общественная жизнь человека превращается в арену личного произвола. Фактически, в марксизме на смену формальным императивам приходит действие социального переустройства – революция.²⁵ Мощь этого действия сплавляет различия общего и особенного в единое целое. Со-общаясь с другими людьми в революционном действии, каждый человек становится причастен единому сообществу.

Концептуализация сообщества выступает сама по себе как занятие, подрывающее эпистемологическую респектабельность традиционной буржуазной «теории» общества. Сообщество возникает там, где индивиды отличают себя от общества, в котором они существуют, одновременно приостанавливается действие личностной автономии, и именно этим она парадоксальным образом утверждается. Реально существующее сообщество также должно отличаться от самого себя, точнее, не быть самим собой. Такое уклоняющееся бытие можно было бы назвать опытом жертвы. Это уклонение имеет определённые типологические черты. Классификация и группировка этих черт «внутри» реального, между онтологическим и антропологическим, составляют отдельный сюжет левой мысли. Необходимо сразу сделать уточнение: корректнее говорить не о каком-либо едином сообществе вообще, а о множестве сообществ, конституируемых в связанных между собой семейными сходствами видах общественной деятельности. Сообщество, строго говоря, нельзя изъять из общества, однако сделать это необходимо.

Единство сообщества обеспечивается внешним и даже случайным образом. Поэтому исследование сообщества принимает

²⁵ На эту тему см. также: Kristeva J. *The Sense and the Non-sense of Revolt*. N. Y., 2000.

форму критики опыта сообщества, раскрывающей условия его невозможности. Действительность сообщества утверждается его отрицанием. Функционирование сообществ предполагает своего рода недоуправляемость осуществляемой в них деятельности. Иначе говоря, деятельность внутри любого «данного» сообщества по умолчанию должна быть свободной деятельностью, импульсами к которой служат внутренние предпочтения и мотивации. Внешне такая деятельность целиком состоит из особых форм человеческих отношений, что, естественно, предопределяет перспективность именно марксистской методологии, которую уже сам Маркс в *Капитале* ориентировал на исследование «отношений общения»²⁶. Указания основоположников марксизма на постепенное отмирание государства после победы пролетариата, потерю публичной властью своего «политического характера»²⁷ означают, что коммунизм как цель общественного переустройства связан прежде всего с учреждением нового типа межчеловеческих отношений в форме сообщества или свободной ассоциации²⁸.

Тема сообщества в связи с левыми идеями в современной интеллектуальной среде получает особенно глубокое развитие у Ж.-Л. Нанси и Дж. Агамбена.²⁹ Этих авторов объединяет убежденность в том, что сообщество «само по себе» не может быть удержано и/или объяснено чисто позитивно. Режим его существования не поддается удовлетворительному описанию в терминах специфической сущности, которой оно обладает. Эмпирическое и параэмпирическое здесь переплетаются друг с другом, причём ни то, ни другое не получает преобладания. Постоянный переход от общего к частному и обратно, характерный для существования сообщества, определяет уникальную манеру его бытия, выраженную в своеобразном этосе.³⁰ Сообщество, может, и готово быть любимым, и в этой готовности содержится мужественная открытость сознанию невозможности раз и навсегда определённого сообщества. Политическое требование единства трудящихся переходит здесь в этическое требование стойкости людей перед испытанием комфортом, спокойствием, повседневностью, короче говоря, перед испытанием мелкобуржуазностью.³¹

Марксизм оказывается именем всех сил сопротивления, которые продолжают схватку, заведомо зная о том, что она уже проиграна. Тем самым вновь и вновь производится парадоксальный жест восстановления «политического» в предельно аполитичной реальности современного мира глобального капитализма. Жест, мотивированный необходимостью «отбирать в ... новом плане-

²⁶ Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения*. 2-е изд. Т. 23. М., 1960. С. 6.

²⁷ См. напр.: *Первая программа Союза коммунистов. «Манифест коммунистической партии» в контексте истории*. М., 2007. С. 73.

²⁸ Там же, с. 74.

²⁹ См.: Агамбен Дж. *Грядущее сообщество*. М., 2008; Нанси Ж.-Л. *Непроизводимое сообщество*. М., 2009.

³⁰ Агамбен, указ. соч., с. 26.

³¹ Там же, с. 59–61.

тарном человечестве характеры, позволяющие ему выжить»³². Такая формулировка предполагает выведение политического за пределы политики, за пределы борьбы за власть. Политическая жизнь сообщества связывается с непосредственной деятельностью масс вне государственных институтов.³³ Включение в политическую жизнь не должно создавать никакой зависимости одного члена сообщества от другого. Если такая зависимость возникает, то самостоятельное действие подменяется копированием, подражанием, слепым восхищением, что неизбежно закрывает возможности продуктивного развития ситуации. Не зависеть, а со-участвовать – вот что значит делать сообщество. Сообщество неотделимо от деятельности каждого своего члена. Любой «рассказ» или «разговор» о сообществе также являются частью процесса создания сообщества. Вести такой разговор в настоящее время, не учитывая достижений марксистской мысли, невозможно.

Вдохновлённая левыми идеями, философия сообщества сопряжена с формированием особого представления о человеческой субъективности, которая вырастает из установки на революционный подрыв самопонятности совершаемых социальных действий. Когда человек ощущает несоответствие данного имеющимся у него описательным и аналитическим возможностям, тогда требуется сообщество. Сообщество позволяет познать само со-общение. Тем самым совершается переход от сугубо теоретической установки к установке практической: вместо незаинтересованного наблюдения данности мы погружаемся в актуальный опыт её проживания. Деятельность со-общения осуществляется не неким чистым разумом, а от *чьего-то* определённого лица. Лица того, кто испытывает несправедливость существующего социального порядка и поэтому требует от любой политики прежде всего справедливости.³⁴ Это «лицо», хотя и всегда конкретное, не может быть сведено к «моему» лицу: в ситуации выявления несправедливости данных социальных отношений «я» первоначально воспринимаю эту несправедливость как неприятное искажение привычного мира – и притом именно в его усреднённой привычности.

Озадачившись этой проблемой, человек достигает подлинно практического знания о социальной реальности. Важно понимать, что, в странном соответствии с известным физическим принципом, чем большей точности такого познавательного «суммирования» мы хотим добиться, тем больше его неопределённость. Уточнение только умножает список вопросов. Кто, собственно, может дать гарантию, что мы задаём правильные вопросы? Не есть ли само задание вопроса тем, что образует деятельности сообщества? Никакой список вопросов не является каноническим. Никакой список не является также и исчерпывающим. Вопросы уничтожают друг друга. Кроме того, вопросов всегда больше, чем ответов. Имеется

³² Агамбен, указ. соч., с. 61.

³³ Бадью, указ. соч., с. 172.

³⁴ Бадью, указ. соч., с. 173.

и качественное отличие: вопрос всегда незавершён, он указывает на некоторую не(до)определённость. Вопрос может не получить ответа, тогда как ответ всегда предполагает заданный вопрос. Каждый новый вопрос, каждый новый ответ являются и новым продуктивным измерением всегда актуальной задачи социального преобразования. Поэтому не существует устаревших или бессмысленных задач. Ответ одной задачи может оказаться решением другой, вопрос к третьей – решением четвёртой и т. д. во всех возможных комбинациях. Фиксируя возможность такого рода разрывов или соединений, мы лишним раз стремимся подчеркнуть, как много зависит от особенностей свободной личности, участвующей в деятельности сообщества и таким образом подтверждающей свою свободу.

Решение задачи вовсе не является односторонним действием. Здесь всегда имеется своего рода обратная связь, то есть развёрнутость задачи в сторону каждого отдельного члена сообщества. Это означает, что мы должны быть открыты языку задачи. Обрыв обратной связи с задачей тривиализирует сообщество, превращает его в пустое времяпрепровождение. Самое опасное в практическом социальном познании, равно как и в социальном действии, – это слепо подчиняться требованию ложной очевидности: задача-де должна иметь решение, или она просто бессмысленна. В полном соответствии со знаменитым лозунгом мая 1968 г. реализм сегодня заключается в требовании невозможного. И именно марксизм воплощает это требование невозможного.